

КОРОТКО О НОВЫХ КНИГАХ

Неизвестный М. И. Туган-Барановский / Отв. ред. Л. Д. Широкоград, А. Л. Дмитриев. СПб.: Нестор-История. 2008. 284 с.

М. И. Туган-Барановскому принадлежит одно из наиболее почетных мест в галерее российских экономистов. За последние 20 лет его наследие предстало в новом прочтении. Ушла в прошлое карикатурная советская схема «легального марксиста» и «кадетского профессора». Переизданы (большинство — по инициативе и под редакцией профессора РАГС Г. Н. Сорвиной) 6 фундаментальных научных трудов ученого; опубликовано немало статей и очерков, среди которых выделяется биографический очерк, написанный внуком экономиста, профессором Волгоградского университета Д. М. Туган-Барановским (1998). Разумеется, серьезное внимание научному вкладу М. И. Туган-Барановского уделено в учебниках последних лет по истории экономических учений, в частности в пособии, выпущенном кафедрой экономической методологии и истории ГУ-ВШЭ.

Но на этом фоне сборник, подготовленный профессором СПбГУ Л. Д. Широкоградом, доцентом СПбГУЭиФ А. Л. Дмитриевым и профессором Университета Донгseo (Республика Корея) К. Мондей, интересен тем, что действительно представляет «неизвестного М. И. Туган-Барановского». И не только потому, что книга целиком основана на разысканиях в архивах и малодоступных старых изданиях. Авторам удалось высветить существенные, но почти не нашедшие отражения в прежних исследованиях, черты творческого и человеческого облика М. И. Туган-Барановского в светотенях переломной эпохи (как ее не называй — «революционной», «сумерками империи» или «серебряным веком культуры»), показать включенность знаменитого теоретика в различные потоки российской общественной жизни и мысли.

Главными, по нашему впечатлению, являются два ракурса. Один можно определить как «М. И. Туган-Барановский и российский экономический дискурс начала XX века». Он объединяет обзорную статью Л. Д. Широкограда «М. И. Туган-Барановский в Петербурге», материалы эпистолярного наследия ученого и отзывы его современников — оппонентов «справа» (записка П. И. Георгиевского; газетный некролог, написанный А. Д. Билимовичем). Другой ракурс привлекает внимание к внутреннему миру М. И. Туган-Барановского, штрихам его биографии и творческой манеры, зафиксированным в работах публициста

и общественного деятеля Л. Н. Клейнборта (1875–1950), а также в опубликованных Л. Д. Широкоградом стихотворениях самого М. И. Туган-Барановского. «Совмещением» ракурсов, пожалуй, в наибольшей степени является реконструированная К. Мондеем история дружеского общения и одновременно коренных разногласий М. И. Туган-Барановского с одним из виднейших русских экономистов-аграрников и статистиков А. А. Кауфманом. Письма, адресованные Кауфману, дают выпуклое представление о «пост-марксистских» внутренних переоценках М. И. Туган-Барановского (с. 71, 94, 99–101) и «повороте к земским вопросам» (с. 104). Одновременно статья К. Мондея раскрывает принципиальные отличия подходов Туган-Барановского и Кауфмана к обоснованию аграрной программы конституционно-демократической партии и дает оценку идейной и политической борьбы вокруг законопроекта об аграрной реформе в период созыва (и разгона) Первой Государственной думы. Поучительна проводимая К. Мондеем параллель между царскими сановниками 1900-х и праволиберальными «приватизаторами» 1990-х годов как политическими манипуляторами, убежденными, что для создания «института» частной собственности допустимо прибегать к антидемократической «тактике», отстраняя от участия в реформах крупных ученых (с. 65–66).

Извлеченные К. Мондеем из фондов Пушкинского дома мемуары «минского марксиста» Л. Н. Клейнборта — ценное дополнение к интеллектуально-психологическому портрету М. И. Туган-Барановского, очерченному его наиболее выдающимся учеником — Н. Д. Кондратьевым. М. И. Туган-Барановский обрисован в них как «экономист на подкладке социолога, поэта», «с врожденным идеализмом — высоким строем души» (с. 190). Вступив в «турнир» с народниками, он прослыл «экономическим материалистом» и «непоколебимым полемистом». Но смерть молодой жены, «ласковой женщины с кроткими глазами» (с. 203), перевернула отношение к системе Маркса, в которой стерлась проблема индивидуального человеческого существования. Клейнборт объясняет разрыв своего учителя с марксизмом более личными переживаниями, чем доводами ума, передает характерное высказывание Туган-Барановского: «Маркс и Энгельс высохли для меня» (с. 216).

Глубокую эмоциональную впадину со временем заполнила разработка теоретических основ кооперации, облеченной в «интуитивную систему» (с. 229). Туган-Барановский сохранил — в противоположность своему многолетнему другу и соратнику П. Б. Струве — веру в социализм как экономический идеал. Но, сменяемый тревогой по поводу «извращения убеждений во имя всеобщего счастья», много размышлял над «Бесами» Ф. М. Достоевского (с. 209, 220–221). Важно свидетельство об интересе Туган-Барановского, в последний год жизни вошедшего в основанную В. И. Вернадским Украинскую академию наук, к «украинскому вопросу», признании М. П. Драгоманова «самым выдающимся мыслителем у нас» после А. И. Герцена (с. 222). Точно такую же оценку дал современник М. И. Туган-Барановского и друг В. И. Вернадского — видный историк И. М. Гревс. Он характеризовал М. П. Драгоманова как невозможное для России соединение в одном лице «либерала — демократа — социалиста» [1]. Не таким ли «невозможным соединением» был и М. И. Туган-Барановский?

Как преподаватель он увлекал своим лекторским подъемом, «стремился к истине на кафедре»; приучал студентов к творческому мышлению, но отнюдь не навязывал своих взглядов (с. 189–191). И «был равен собеседнику, как бы собеседник ни стоял ниже по знаниям, по дарованиям» (с. 217). Благодаря этим качествам М. И. Туган-Барановский «как магнит притягивал к себе студентов», — словно продолжает Л. Н. Клейнборта Л. Д. Широкоград (с. 40).

Акцентируя уникальный вклад Туган-Барановского в реформирование преподавания политической экономии, Л. Д. Широкоград справедливо уделяет особое внимание достижениям студентов — участников Экономического семинария под руководством М. И. Туган-Барановского при Юридическом факультете Санкт-Петербургского университета (с. 37–41). Ряд докладов студентов был опубликован в альманахе «Вопросы обществоведения»; отдельными изданиями как «Труды» семинария вышли работы Б. Н. Книповича о дифференциации крестьянства и А. М. Гвирцмана с критическим анализом системы американского социолога Лестера Ф. Уорда в связи с тенденциями развития экономической науки. Впоследствии Борис Книпович (1890–1924) вырос в видного экономиста-аграрника, предисловие к его посмертной работе «Сельскохозяйственное районирование» (1925) написал А. В. Чаянов. Дальнейшая судьба Аркадия Гвирцмана, к сожалению, неизвестна, доклад о социологии Уорда остался его единственной опубликованной работой. Тем примечательнее приводимая Л. Д. Широкоградом характеристика оригинальности и глубины работы молодого ученого видным русским социологом Е. В. де Роберти (с. 39).

Методологическое значение для российской экономической науки работ «отца социологии» в США Л. Ф. Уорда до сих пор недооценено. Л. Д. Широкоград указывает на доклад «Телеологические элементы в политической экономии», сделанный на семинарии у Туган-Барановского первокурсником Николаем Кондратьевым. Содержание доклада осталось неизвестным, а тема, по мнению Л. Д. Широграда, была навеяна увлеченностью Туган-Барановского неокантианством (с. 40–41). На наш взгляд, однако, более вероятно предположить в этом докладе раннюю попытку перенесения в политэкономии противопоставления генетических и телеологических процессов, сыгравшего впоследствии столь важную роль в советских дебатах о народнохозяйственном планировании в 1920-х годах и далее в «суздальском» цикле экономико-социологических рукописей Кондратьева. Дело в том, что впервые противопоставление «генетического и телеологического» было четко обозначено именно в «динамической социологии» Уорда, в том числе в его труде «Психические факторы цивилизации», переведенном на русский язык в 1897 г. безвременно ушедшей первой женой Туган-Барановского Лидией Давыдовой. Память о ней, несомненно, сказалась и на статье «Психические факторы общественного развития» (1904), в которой Туган-Барановский решительно сводил счеты с историческим («экономическим») материализмом и на выборе тем для научных докладов его учеников Гвирцмана и Кондратьева.

Высокий уровень, заданный М. И. Туган-Барановским своему семинарию, остается впечатляющим примером и для нашего времени. Упомянутая Л. Д. Широкоградом работа еще одного из участников семинария — Н. И. Бернштейна «Теория рынков Маркса и Туган-Барановского» недавно привлекла внимание известного московского исследователя П. Н. Клюкина, подготовившего докторскую диссертацию «Становление макроэкономического анализа в России».

Любопытен обнаруженный и публикуемый А. Л. Дмитриевым отзыв на работы М. И. Туган-Барановского бескомпромиссного критика социалистических учений П. И. Георгиевского (с. 257–260). Как напоминает Л. Д. Широкоград (с. 29–31), Туган-Барановский, будучи приват-доцентом, благодаря лекторскому мастерству и «левизне», привлекал гораздо большую студенческую аудиторию, чем слышавший консерватором и обласканный властями профессор Георгиевский, что сказывалось и на разнице в доходах явно не в пользу второго. «Может быть, поэтому профессор Георгиевский писал доносы на деда!» — заметил внук М. И. Туган-Барановского [3, с. 52]. Георгиевский, имевший репутацию «человека крайне неумного» и среди ученых, далеких от социализма

[2, с. 84], действительно воспрепятствовал назначению профессором Туган-Барановского, вынужденного в итоге уйти из Университета. Однако его записка, протестующая против «замены кафедры науки политической экономии кафедрой проповеди социализма», при всей своей тенденциозности не лишена принципиальности по отношению к идейному противнику.

Несомненной заслугой авторов-составителей сборника является скрупулезность и содержательность комментариев. Учитывая скудость биографической литературы об А. А. Кауфмане, нельзя не отметить, например, приводимого К. Мондеем свидетельства о том, что ученицы-«бестужевки» видного статистика тепло вспоминали о нем и через полвека (с.109–110). Публикация писем М. И. Туган-Барановского к академику И. И. Янжулу предваряется интересной информацией Л. Д. Широкограда и А. Л. Дмитриева о роли Петербургского «Политеха» для экономического образования в России и о премии имени финансиста-сановника С. А. Грейга, первым лауреатом которой был Янжул (1893), а последним (за учебный курс «Основы политической экономии») — Туган-Барановский (1913). Впрочем, к истории взаимоотношений двух видных политэкономов можно было бы кое-что добавить. В своем очерке истории экономической науки в России, написанном для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона Туган-Барановский выделил Янжула как «строгого последователя исторической школы», стоящего вне всякого влияния марксизма. Последнее обстоятельство не раз подчеркивал и сам Янжул. Однако в статье памяти Янжула в газете «Речь» (1 июня 1914 г.) Туган-Барановский отметил заслуги покойного как первого инспектора Московского фабричного округа в необычном контексте: высокой оценки в «Капитале» деятельности английского фабричного инспектора Леонарда Хорнера, который, по словам К. Маркса, «оказал бессмертные услуги рабочему классу». Яркий пример нетривиальной, свободной от партийных догм, интерпретации марксизма.

Возможность интересных дополнений и споров свидетельствует о том, что Л. Д. Широкограду и его коллегам удалось реализовать исходный замысел — передать читателю свою любовь к М. И. Туган-Барановскому (с. 5) — без лакировки и нарочитой комплиментарности. Емкий и взвешенный подход стимулирует дальнейшие поиски в богатых пластах российской экономической мысли и культурного наследия. О том, что эти пласты обещают новые историко-научные находки, можно заключить из недавно вышедших «Очерков по истории финансовой науки в Санкт-Петербургском университете» под редакцией В. В. Ковалева — с участием Л. Д. Широкограда и А. Л. Дмитриева и с новыми статьями о М. И. Туган-Барановском Ю. В. Базулина и Г. Г. Богомазова.

Г. Д. Гловели,
доцент ГУ-ВШЭ,
зав. сектором истории экономической мысли Института экономики РАН

1. *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Из архива И. М. Гревса // *Общественная мысль в России XIX в.* Л.: Наука, 1986.

2. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* То, что прошло. Главы из воспоминаний. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0291/nauka2002.php>.

3. *Туган-Барановский Д. М.* М.И. Туган-Барановский. Биографический очерк // *Туган-Барановский М. И.* Избранное. М.: Наука, 1998. С. 52.

Статья поступила в редакцию 25 мая 2009 г.